

**Памяти Татьяны Сергеевны Поздняковой (15 апреля 1941,
Ленинград – 25 января 2025, Тель-Авив)**

Т. С. Позднякова. 2017 г.

Рассказ о Татьяне Сергеевне Поздняковой, ахматовеве, многолетней сотруднице Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, я начну с ее писем за месяц до смерти. «Оставили в больнице. Лежу пока в коридоре. Зато наблюдаю жизнь медперсонала. Как в недублированном кино. Олечка, помогите, пожалуйста! Меня из музея спрашивают – где это написано, что из Смольного АА забрали из-за лунатизма? <...> я, к сожалению, не у компьютера. <...> Лежу под капельницами. <...> Так бы хотелось самой это прочитать. Попробую в телефоне» (18 декабря); «...Еду с Маргулей от врача. <...> На меня наклеена какая-то болеутоляющая наклейка. А на газоне передо мной гуляет какой-то разноцветный гусь. Тороплюсь домой к компьютеру – работать, работать» (23 декабря); «Работаю вовсе не из-за героизма. Это просто психотерапия» (31 декабря).

Даже в этих письмах, написанных человеком, измученным полутора годами рака, видно неповторимое сочетание черт характера: творческий нетерпеливый азарт, юмор и самоирония, способность почти не обращать на себя внимание, детский интерес к миру. Я так хорошо представляю себе сценку с гусем: Татьяна Сергеевна на миг полностью переселяется в зрение.

Уже просто даты рождения и смерти говорят, что Татьяна Сергеевна прожила нелегкую жизнь. Но на редкость наполненную.

Она родилась в Ленинграде перед самой Великой Отечественной, которую провела с матерью и бабушкой в эвакуации. (Об этих годах и о возвращении домой Татьяна Сергеевна написала в сентябре 2024 г. воспоминания – «Вспышки сознания»; они предназначались родным, не для печати, но теперь будут опубликованы).

Таня Позднякова в эвакуации. Котельнич, 1944 г.

Таня в 13 лет. 1954 г.

Отец, Сергей Семенович Поздняков, по образованию историк, в 1942 г. погиб на фронте. Мама, Фаина Осиповна Позднякова (в девичестве Додина), учившаяся вместе с ним на истфаке Педагогического института имени Герцена, стала учителем истории, растила Таню и родившуюся через 22 года дочь Ксану одна. Точнее, Ксану уже помогала растить Танечка (так всегда

называла ее Ксана). Сестры оказались неразделимо дружными, при внешнем несходстве близкими по характерам и жизненным ценностям, привитым обожаемой мамой. С годами, когда у них появились мужья, дети, многочисленные внуки, русско-еврейская семья разрослась до библейских, вызывающих зависть размеров. А еще ведь вокруг всегда были друзья.

В юности уже был очевиден общественный темперамент Татьяны Сергеевны: ее задачей было бороться с несправедливостью и помогать людям – одним словом, спасти человечество. Когда она закончила Университет (исторический факультет, кафедра истории искусства), ЦК ВЛКСМ послал ее в молодой город Салават – поднимать культуру в Башкирии. Там она создала Коммуну и обрела юного комсомольца-мужа «Толечку». Анатолий Александрович Епов стал педагогом и психологом, соратником в главных делах и очень помогал вечно рвущейся к подвигам Татьяне Сергеевне растить дочь Юлю и сына Сережу (названного в честь погибшего деда).

Таня Позднякова

Салавате (Башкирия). 1965 г.

Вернувшись в Ленинград, Татьяна Сергеевна преподавала в Институте культуры и в Высшей профсоюзной школе культуры на факультете культпросветработы. В 1973 г. защитила кандидатскую диссертацию по педагогике; тема кандидатской – «Эстетическое воспитание в клубном коллективе как одно из условий развития социальной активности старшего подростка». В партию не вступала.

Одновременно с преподаванием в вузах работала учителем истории в школе № 205.

Т. С. Позднякова – учительница в 205 школе. 1979 г.

Юля, учившаяся у нее в 1982–1984 гг., вспоминает: «Мамины уроки были очень живые, учебники нам были не нужны, мама нам рассказывала, мы, слушая ее, исписывали толстые тетради. Историю знали все ее ученики. Мама задавала писать сочинения на темы: «На Сенатскую площадь или в Народную волю?» <...> Про Беранже, Марата, Кромвеля, Золя, дело Дрейфуса <...> А сочинение “Вокруг даты” – это была огромная исследовательская работа, если учесть, что тогда не было интернета и всю информацию мы могли взять только из книг (библиотек), фильмов, спектаклей, рассказов взрослых. Просто берешь любой год того отрезка времени, что мы изучали, например, 1831 – и пишешь сочинение о том, что в этот год происходило во всем мире: свадьба Пушкина... и все дальше – из жизни, физики, математики, театра и т. д. Именно на маминых уроках я по-серьезному узнала о репрессиях, о культуре личности Сталина». Татьяна Сергеевна с коллегой устраивали театрализованные литературные гостиные, летом ездили в Ялту в трудовые лагеря: «Поля, виноградники, походы на Ай-Петри, море...».

Расцвет общественной деятельности Татьяны Сергеевны пришелся на перестройку и первые постсоветские годы: тогда такие люди были востребованы. В 1988 г. с коллегой Феликсом Сергеевичем Маховым открыли детский дом № 9 – особое, творческое место для детей. Но через два года районная администрация поставила там своих людей, а создателей дома уволила. Оставшись в 1990 г. без работы, Татьяна Сергеевна стала вести автобусные экскурсии по городу, среди них – «Петербург Ахматовой», приводила группы в ахматовский музей. Потом ее позвали работать в мэрию

– специалистом в Отдел по социальной защите. Она рассказывала, что работала в Смольном, который спешно покинули, оставив тапочки и россыпи бумаг, советские чиновники. «К нам приходили люди со своими проблемами – и мы им давали, давали квартиры». Себе при этом Татьяна Сергеевна не взяла ничего. В те годы выросло число асоциальных семей и детей-беспризорников, и Татьяна Сергеевна с коллегами создала первый в стране государственный приют (в отличие от детских домов, приют не постоянное, а временное пристанище для детей, оказавшихся в опасной жизненной ситуации). Занимались организацией сети приютов и социально-реабилитационных центров по России. В ее семейном клане появилось трое приемных детей. Один приют, для большой группы беспризорников, Татьяна Сергеевна с командой единомышленников создала из брошенного, кишасящего крысами здания общежития на ул. Стойкости: надел респираторы, разбирали завалы, добывали деньги на капремонт, после ремонта дом бесплатно разрисовали художники группы «Митьки». Назвали этот приют Воспитательным домом – как продолжение Воспитательного дома, созданного Екатериной II. Потом он перерос в Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних с приютом для беспризорных детей, при центре появилась домашняя школа, мастерские. И Татьяна Сергеевна с коллегой Галиной Игнатьевной Камаевой решили из Смольного перейти туда работать: Г. И. Камаева стала директором, Татьяна Сергеевна – замдиректора, муж Татьяны Сергеевны был там психологом и руководителем театра, дочь – Юлия Белькина – педиатром и неврологом. Потом Татьяна Сергеевна стала директором приюта для трудных девочек-подростков. Многие ее воспитанницы на протяжении всех последующих лет поддерживали с ней связь. Одна из девочек, узнав о ее смерти, написала в соцсетях: «Спасибо Татьяне Сергеевне, она спасла мне жизнь и нашла моих двух братьев по детским домам, и мы теперь всю жизнь с ними вместе».

После ухода с поста мэра Петербурга Анатолия Собчака, по словам Татьяны Сергеевны, «с приютами началось черт-те что». Власть уволила и ее, и Г. И. Камаеву. Оставшись без дела, Татьяна Сергеевна начала тосковать и болеть. Тогда ее сестра, художница Ксана Глотова, рассказала о Татьяне Сергеевне директору музея Нине Ивановне Поповой. Ответ был: «Что ж, приводите Вашу Танечку». Так в январе 1999 г. Татьяна Сергеевна оказалась в Музее Ахматовой в Фонтанном Доме, где была старшим научным сотрудником, методистом, одно время – зав. научно-методическим отделом, а с годами, по словам Нины Ивановны, стала «совестью и душой музея».

К моменту ее прихода я работала в музее шесть лет. Как все научные сотрудники, раз в неделю «дежурила»: водила экскурсии. Однажды среди экскурсантов заметила немолодую женщину в ореоле белых (седых) кудрей, она слушала мои байки с невероятным энтузиазмом, кивала, застенчиво улыбалась. А после экскурсии я с изумлением обнаружила, что она идет за мной в садовый флигель, где я сидела вместе с другими сотрудниками научно-методического отдела. Мы как-то мгновенно подружились. Так что через 25 лет, поздравляя меня с 65-летием, Татьяна Сергеевна написала: «Олечка, я помню, как познакомилась с Вами, Ангел Златые волосы! И Ахматова по существу началась для меня с Ваших бутербродов с крутым яйцом». Это написано все в том же последнем декабре. «Волосы» у меня темные, и ангельского во мне мало, в отличие от Татьяны Сергеевны, которая как-то в полушутку сказала о себе: «Характер у меня ангельский». Это и вправду было так. Мне довелось раза три видеть вспышки ее возмущения, но и эти вспышки были изнутри ее доброты.

Хотя Татьяне Сергеевне было почти 58 лет, она осваивалась в музее и ахматоведении со свойственной ей стремительностью. Как-то я сказала, что мне не по себе, когда надо делать одновременно несколько дел, – всем должна и ничего не успеваю. «А мне, – призналась Татьяна Сергеевна, – плохо, если не надо бежать одновременно в десять мест, если меня везде не ждут». «Бежать» было сказано фигурально, потому что в это время Татьяна Сергеевна ходила очень медленно, часто останавливаясь: отказывали ноги, мешала астма, сердце тоже вело себя неважно. Потом ей заменили суставы на обеих ногах; из-за обнаружившегося диабета она стала ограничивать сладкое и мучное, похудела, астма поубавилась; ей поставили кардиостимулятор – и ходить она стала гораздо лучше. Но и при двигательных проблемах всегда было ощущение, что Татьяна Сергеевна спешит – из-за повышенной тревожности и невероятной энергии. Помню, как в 2000 г. она отправилась в командировку в Ташкент, где курировала подготовку выставки на материалах Музея Ахматовой. Обежала в Ташкенте всех и всё по следам ахматовской эвакуации, вернулась с рассказами и дарами от нескольких еще живых ахматовских друзей и их наследников. На вопрос, как она смогла побывать в стольких местах, ответила: «Я везде ездила на такси, все время на такси. Оно там очень дешевое».

Скорость жизни имела свою обратную сторону: Татьяна Сергеевна могла выронить в коридоре фондов ахматовские рукописи или напечатать в дневнике ахматовской знакомой «сизу дома с завязанным горлом» вместо «с завязанным глазом». Но зато она успевала намного больше, чем в человеческих возможностях. Очень скоро после прихода в музей она внесла в его жизнь свое первое новшество: придумала для детей занятие «Сундук с Шереметевского чердака». Вот его описание с сайта музея, наверняка сделанное самой Татьяной Сергеевной: «В начале занятия участники открывают старинный сундук и находят там предметы быта столетней давности, фотографии, книги, газеты... Что это за вещи? И какая история скрывается за каждой из них? Участникам занятия предстоит не только проникнуть в прошлое этих предметов, но и установить их связь с поэтическим миром Анны Ахматовой. Для этого каждый изучит подлинные исторические документы, познакомится с фрагментами воспоминаний, а также прочитает стихи поэта. В результате участники выстроят свой маршрут по экспозиции, вплетая историю выбранных вещей в историю квартиры 44. В этом рассказе нет неверных ходов: сколько людей, столько и интерпретаций». Татьяна Сергеевна водила экскурсии, организовывала вечера, придумывала новые формы мероприятий и уже в 2002 г. выпустила свою первую книгу – «Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин», с каталогом, составленным сотрудниками фондов, и введением Н. И. Поповой. Книга была основана на архивных материалах. Я была ее редактором и знаю, сколько труда и энтузиазма в нее вложено. В 2003 г. я была вынуждена уйти из музея (чему Татьяна Сергеевна очень сопротивлялась) и перестала быть постоянным свидетелем ее трудов и дней. Мы виделись, но не часто.

Постепенно она обрела научный авторитет и известность, что совершенно ее не изменило: важность была ей органически не свойственна, а подмечая ее в других, она посмеивалась. Татьяна Сергеевна была человеком естественным, и ей некогда было заботиться о таких пустяках, как выстраивание собственного имиджа. Вот что пишут в заметке к ее восьмидесятилетию музейные коллеги: «...с экскурсии Татьяна Сергеевна спешит в архив, затем на рабочую встречу, оттуда – на литературный вечер, а после находит время на статьи и книги!» «После» – это было по ночам, по выходным и в отпуске. Работала она не через силу, а с неослабевающим азартом, отключаясь от всего иного: ей не мешал шум вокруг, ползающие и бегающие дети. Самым лакомым был для нее поиск материала, она обожала архивы, умела разыскать и заполучить документы из других городов и стран: куда-то ездила, откуда-то ей присылали их онлайн. Причем с одинаковой страстью она искала для себя и для коллег – для тех, кто, живя где-то далеко, просил помочь. И книги готовила, не думая над количеством соавторов: главное – возможность работать. С радостью сотрудничала с историком литературы и писательницей Натальей Громовой, привлекавшей ее к своим проектам, – они были единомышленницами и друзьями. Писала не только об Ахматовой и ее круге, но и о многих людях, с ней совершенно не связанных:

Татьяне Сергеевне были интересны человеческие судьбы, совершенно новые материалы. На ее счету более десятка книг (в основном в соавторстве), среди них такие значимые, как подготовленный с музейными коллегами альбом «В ста зеркалах: Анна Ахматова в портретах современников» (2005) и «Дневник» С. К. Островской (2013), опубликованный вместе с поэтом и исследовательницей блокады Полиной Барсковой.

Музейная и литературная работа несколько отвлекли Татьяну Сергеевну от общественной деятельности. Несколько, но не совсем. Она, например, активно участвовала в проекте «Последний адрес», который увековечивает память о жертвах советских политических репрессий. Татьяна Сергеевна остро переживала не только беды и смерти близких, но и сегодняшние исторические катаклизмы.

В июне 2022 г. она вместе с большей частью семейного клана иммигрировала в Израиль. Уезжала в смятении, и там некоторое время жила в растерянности. Но оказалась востребованной и Израиле: друзья, родственники, новые знакомства; она стала периодически выступать с лекциями, с уже освоившейся там Натальей Громовой подготовила новую книгу – «Шкловские: семейные хроники»; ей стали предлагать то написать статью о евреях в ленинградскую блокаду, то разобрать материалы американского издательства имени Чехова. Даже ездила в Польшу – участвовать в документальном фильме об Ахматовой, в Латвию – к внучке Соне. Татьяна Сергеевна продолжала читать об Ахматовой все, что доходило, но писать о ней уже не могла: не было нужных архивов, не хватало книг. Она горевала об оставшейся большей частью дома, в Кузнечном переулке, библиотеке, хотя ездила в Русскую библиотеку в Иерусалим. Вообще, несмотря на очарованность многим в Израиле, активную жизнь и близость родных, испытывала ностальгию. В сентябре 2022 г. писала: «Живу – немножко глушу себя какой-то работой, каким-то общением», «У меня вообще ощущение, что меня куда-то задвинули»; в январе 2023 г.: «Я печалюсь что-то»; в мае 2023 г.: «...ужасно не люблю тель-авивские небоскребы», «Спасибо за подсказку о чем-то интересном в “Звезде”. Но мне это может быть доступно нынче только в компьютере. Увы! А так хочется подержать журнал в руках! С огромным интересом буду ждать Ваш доклад об ахматовских переводах. А мне как-то очень грустно. Старость неожиданно сильно ощущаю, а вот старческой мудрости нет как нет». Я отвечала ей, что вместо старческой мудрости в ней есть что-то юное, просила ее, не верующую, не гневить печалью Бога и т. д., в таком духе. Она писала: «А манго мы покупаем по пятницам на рынке. Ужасно экзотично на рынке в пятницу, перед шабатом: все поют, танцуют, едят и очень орут, к себе зазывая. И все дешевле, чем в другие дни»; рассказывала о летающих по Тель-Авиву стайках разноцветных попугаев, о поездке в Иерусалим, о новой работе. В последнее время она с Наташей Громовой готовила к печати неопубликованную часть дневников Евгения Шварца. Персонаж любимый, почерк у него нечитабельный, надо было расшифровывать – задача как раз по Татьяне Сергеевне. И все же она грустила.

Потом ухудшилось самочувствие, пропал аппетит. Татьяна Сергеевна относилась к этому легко: «Да ничего». Но Ксана настояла на обследовании. В сентябре 2023 г. выявилась онкология. Семья окружила Татьяну Сергеевну заботой. Татьяна Сергеевна рассказывала об изумительной больничной обстановке, о невероятном отношении персонала, о том, что ее все в больнице называют «Танечка». 7 октября 2023 г. утром она написала: «Я в палате. Под капельницей. В обнимку с компьютером», а через несколько часов: «Тут с пяти утра воздушная тревога». На следующий день, хотя в больницу уже стали пребывать раненые, ее прооперировали. 11 октября: «Уже встаю, Олечка. Но война!!!» 13 октября: «Меня выписали. Все ничего. Через две недели снимать швы. В ужасе от войны. Сажу у компьютера». Она очень волновалась за родных и друзей. 14 ноября описала, как оказалась во время сирены на открытой местности и негде было укрыться. На землю (что положено по инструкции) не легла: «Во-первых, недавно был дождь – мокрая земля, а во-вторых, не могу потом встать. Все опускались на корточки, но я и это не смогла. Просто стояла и чего-то ждала. Какое-то унижительное стояние». Про печаль уже не упоминала: наверно, стало не до печали.

Была деятельна, насколько только могла, до января 2025 г. В последний раз села за работу над Шварцем 10 января – ненадолго. В январе было много тяжелых дней, но были и легкие. Татьяна Сергеевна радовалась близким, во множестве ее навещавшим. А Ксана и приехавшая из Петербурга Юля были с ней все время. Она ни секунды не была одна. 22 января из больницы она позвонила зятю Диме, артисту, и попросила почитать ей Бродского. А 25 января я получила письмо от Ксаны: «Олечка. Все, Танечка наша ушла. В Татьянин день». Ушла тихо, во сне.

Ольга Рубинчик.